

А. АРСЮША ПОЕЗД ДОМОЙ

Автор предлагаемого вашему вниманию рассказа молод и литературно не искушен. Для него пока характерно не только "божественное косноязычие", но и косноязычие как таковое. Однако несомненно и то, что он обладает своеобразным писательским даром, особенностью которого, как нам кажется, просматриваются уже в этой, первой в его жизни, публикации.

1 Вот уже два дня, как он ехал в поезде. За окном проносились небольшие лесочки, поля, маленькие измученные пренебрежением станции, мимо которых проходили длинные гордые поезда, и в которых останавливались только - как согласные на любого мужчину женщины - грязные и шустрые электрички.

В вагоне он был один. То есть, конечно, еще был проводник, крупный мужчина около тридцати лет, что приносил в купе чай, и иногда, видимо от скуки, мыл полы. Они совсем не общались, и каждый лелеял в себе одиночество, относясь к другому как к обязательному атрибуту дороги, на который, впрочем, не стоит обращать никакого внимания.

Вот уже два дня, как он ехал в поезде.

И вот уже два дня, как у него было расстройство желудка. Ему постоянно приходилось бегать в туалет в конце вагона, заглядывая там минут на пять, переживать брожение в животе и слушать, как жидкое дерьмо падает в унитаз. Расстройство желудка породило проблему с бумагой. Впрочем, туалетная бумага у него была, но за неимением ничего другого он писал на ней свои стихи и небольшие заметки, тратить ее он вовсе не хотел. Но был еще атлас СССР. Это был небольшой томик с подробными картами страны, который он возил с собой во все свои поездки, и никогда не жалел, что брал в дорогу. Но теперь, за неимением другой бумаги, он во время своих странствий в конце вагона хватал атлас и, сидя на унитазе, вырывал одну из страниц.

Это было ужасно. Он прекрасно понимал, что совершает непоправимое, но, с другой стороны, в этом чудился голос судьбы, разрушающей его страну. Вырвав очередной лист, он возвращался в купе и долго изучал искаленную книгу, соображая какую следующую карту ему уничтожить.

Города, леса, поля, реки, озера, целые области исчезали с лица земли одни за другими. Земля сжималась, становясь все меньше и меньше, поглощая огромные пространства. Исчезли Кировская, Белогородская, Воронежская области и еще многие другие, от Сибири вообще мало, что осталось. Вырвав и подтеревшись, сидя на унитазе, он раскрывал оглавление и зачеркивал название уже не существовавшего в мире места. Потом открывал указатель городов и там тоже делал нужные исправления. Это было ужасно. К тому же он понимал, что рано или поздно ему придется вырвать из атласа то место, по которому будет проходить поезд. Или тот попытается въехать в несуществующее. Это был бы конец. Но пока ему откровенно везло. Поезд как-то успевал проскочить места, которые вот-вот должны были исчезнуть. Но смерть следовала за ним неотступно. Она была впереди и готовила ловушку. Рано или поздно ему уже некуда будет ехать. И тогда завертит, закрутит, поглотит, как поглотило уже другие поезда, электрички, огромные товарные составы, машины, города. Атлас становился все тоньше и тоньше, а значит, все грознее и грознее, как шагреновая кожа.

Поделать с желудком он ничего не мог, да и не пытался особенно, понимая всю тщетность и бессмысленность таких попыток. Ему доставляла едва ли не наслаждение мысль, что своим расстроенным, пустым, залитым чаем, измученным поносом желудком он уничтожает мир, чувствуя, что та страница с той самой картой, которая раздавит и уничтожит его, будет все-таки последней в этом атласе, ставшим после стольких лет езды по местам, хранящимся в нем самом, атласом движения смерти.

Возможность спасти мир, воспользовавшись туалетной бумагой - даже не приходила ему в голову. Это была белая плотная, аккуратно нарезанная бумага, на которой так удобно писать шариковой ручкой. Он писал что-нибудь на одном из чистых листков, обычно списывая его под за-

вязку, потом педантично клал исписанный листок в свой маленький рюкзак и выходил в коридор или оставался в купе, и, чуть прищурясь, смотрел на обреченные места. Редко, но все же такое бывало, появлялись встречные поезда, весело и оглушительно стучали колесами, а он слышал в этом грохоте рок, он один знал, что повстречавшемуся составу осталось существовать считанные часы.

Упершись лбом в стекло, он смотрел, стоя в коридоре вагона, в окно, не в силах одолеть темносерый, почти черный, туман, туман тоски, окутавший его грудь и шею. Он разговаривал негромко вслух с самим собой, переживая свое одиночество и близость конца. Иногда ему в голову приходила какая-нибудь ин-

как застучали колеса поезда, увозящего его атлас, в котором не осталось ни одной карты.

2

Дождь.
Мерзко.
Холодно.

Лучше бы был ливень, тогда можно было бы спрятаться куда-нибудь, хотя бы в подъезд... или в магазин... нет, лучше в подъезд - там можно закурить сигарету, сесть на пол и прижаться к батарее спиной; нет, сейчас не топят, тогда на ступеньки... [мерзко... холодно]

Можно закурить и сейчас, здесь.

Нужно вынуть правую руку из кармана джинс - в рубашке, в нагрудном кармане, сигареты. Потом левой достать спички. Ветер - так просто не прикуришь, надо остановиться, руки будут мерзнуть. Не правда, что курение согревает на улице, еще хуже становится, совсем неуютно. Господи, как хочется в тепло, под одеяло, белое, хрупкое, некрахмаленное одеяло. Домой.

Домой?
Мерзко.

Кто бы приютил.

Приютил.

Приютил.

Совсем не хочется вынимать руки из карманов.

Водки бы. Тяжело.

Выгляжу некрасиво, наверное. Маленький, скукоженный мальчик. Он хочет домой, в тепло. Нет, домой.

Холодно.

- Как пройти на...

- Ой, извините, я сам не здешний.

- Правда, откуда?

- ...

- Прикурить можно?

- Конечно.

- ...

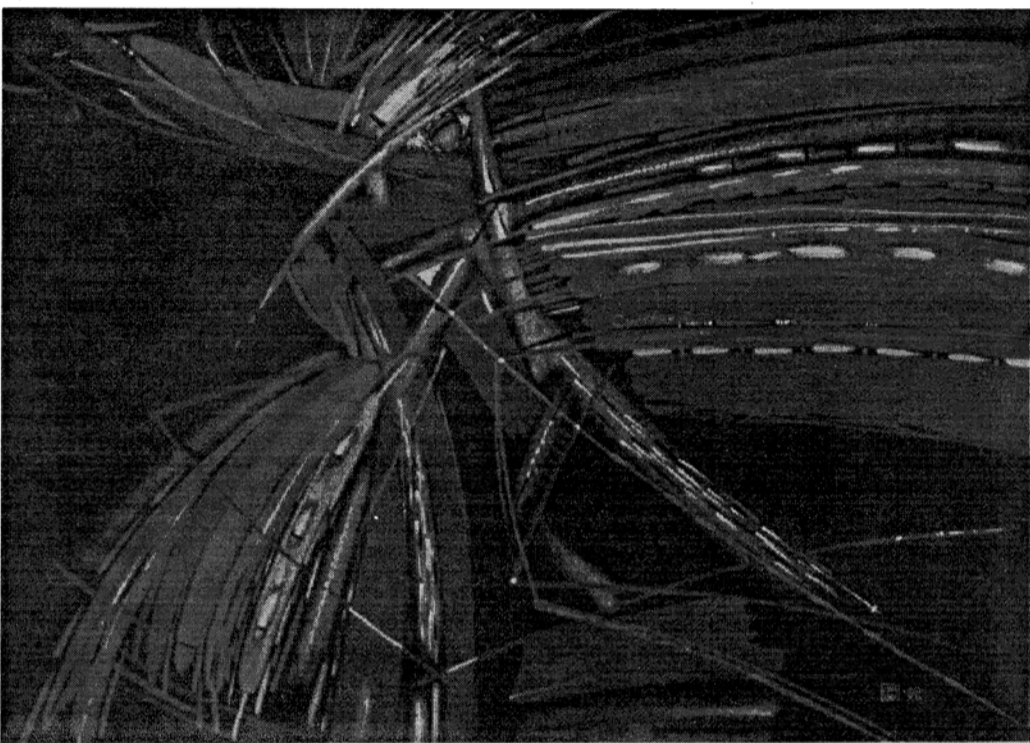
- ...

- ...

- ...

- ...

- ...

Вяч.Смирнов. Встреча, 1992. Гуашь, бумага, пастель (60x80)

тересная мысль, тогда он отвлекался и на некоторое время становился веселым; или бросался в купе к ручке и бумаге, и писал что-нибудь большое, забавное и глупое. Но это быстро проходило, и широкий тоскливый шарф снова оборачивался вокруг груди и шеи, и он не в состоянии вспомнить, что его развеселило, снова упирался лбом в грязное стекло и смотрел, как мимо проносятся глупые и печальные, зеленые с коричневым пейзажи.

Наконец, момент настал. Это случилось днем, когда проводник в очередной раз принес ему чай, а он скривился рожу, вспомнив о поносе, о котором начал забывать, так как не бегал в туалет часа два.

Ошалевший от одиночества проводник поинтересовался самочувствием пассажира вопросом типа "чего-то с-тобой-а?", и получил краткий, но содержательный ответ, поставил стакан на столик, вышел и тут же вернулся с грязными стаканами и бутылкой "Русской водки" в "чебурашке" такого вида, что у больного пассажира защемило сердце, во рту появилось большое количество слюны, а в воздухе явно почувствовался запах блевотины. Заявив что-то о чудодейственных свойствах водки, особенно в случае поноса, ошалевший проводник налил в оба стакана грамм по сто и предложил тост за знакомство и дорогу. Переборов отчаяние, вызванное этикеткой, пассажир чокнулся, выдохнул с силой, выпил под одобрительным взглядом собутельника, запил чаем и предложил хлеб для закуски. Закусив, помолчали; после, между первой и второй, понеслась: надо бы допить, я еще принесу, принес.

Вторая бутылка на удивление не вызвала такого ужаса - это была "Пшеничная", правда, тоже в "чебурашке", но смотрела гордо своим белым фоном, и была пущена в дело сразу же, что называется, по чуть-чуть.

Потом он уже не слушал проводника. В голове взорвалось, отдалось в животе и полезло вверх. Схватив атлас, он выскочил из купе, промычав, что сейчас будет, устремился к цели. Потом он сидел на унитазе, не соображая, что делает, вырывал страницу за страницей.

За окном тянулись железнодорожные постройки, поезд тормозил, останавливаясь у какого-то города. Он встал, положил атлас на полочку в туалете, оделся и вышел. Стукнулся в проводника, вырвал у него стакан, рыгнул, едва не упал при остановке поезда, перешагнул через тело товарища; вышел на перрон, юркнул в тоннель, вынырнул в конце перед зданием вокзала, пошел куда-то в бок, слыша, но не задумываясь о том,

3

Теперь все было далеко. В тепле и уюте, мешая водку с травой, он уже ничего не мог вспомнить и не вспоминал, и впервые в жизни он был самым трезвым, и они падали на кровать и на пол, угрожающе хрипели, разбивали стекла, орали, включали на полную громкость музыку, и сами же умирали от силы звука, матерились, наконец, засыпая.

Она еще не спала, видимо, поставив перед собой цель лечь именно с ним, и он, внезапно осознав, что так точно оно и есть, схватил ее, спички, бутылку, траву, потащил в другую комнату, рухнул на кровать... [...] Потом удовлетворенно наблюдал за женщиной, молча, не слушая ее, спаивая ей остатки водки, чтобы она замолчала и уснула, и тогда он взял готовый косяк, вышел в коридор, выкурил как можно быстрее, оделся и ушел, не заперев за собой дверь, в последнюю темноту.

4

Это были не тучи, не страшные воины - это были деревья, они неслись прямо ему в лицо. Иногда расступались, иногда нет, они выходили из темноты, молчаливые воители, нападали, хватая за руки, ударяя огромными черными кулаками ему в глаза. Он как-то уворачивался, падал, поднимался, снова вступая в бой. Это было бесполезно, их было много, они были сильнее. А он был один, и он просто бежал, пытаясь прорваться, и прорывался, но они догоняли его, а впереди появлялись новые и новые, но он все равно бежал, спотыкаясь, подскользываясь на мокрых, черных, как все здесь, листьях. Он слышал, слышал странный нелепый звук, странное постукивание, но это был единственный звук в этой безмолвной битве, и он бежал к нему, и тот, благодарный, становился отчетливее, грознее, становился темным и железным, превращаясь в грохот, заполняя все пространство, взрываясь в голове, входя в глаза и рот. Он надвигался на него огромной темной машиной, чернее темноты. Эта машина летела к нему, пытаясь раздавить его, превратить его голову в рельсы, и тогда он прыгнул, схватился за поручень, подтянулся, закричал - влез, и остался лежать калачиком на полу в тамбуре, не имея сил подняться.